

Цицерон Марк Туллий

**Философские трактаты о
старости и о дружбе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Марк Туллий Ц.**
Философские трактаты о старости и о дружбе / Цицерон Марк Туллий – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 93 с.

ISBN 978-5-521-29621-7

Содержание: О старости Катон Старший. О дружбе Лелий

ISBN 978-5-521-29621-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

время писанія этой книги, что я не только забылъ всѣ тяжелыя послѣдствія старости, но сталъ видѣть въ ней даже удобства и удовольствія. Никогда не въ состояннѣмъ будутъ люди вполне достойно оцѣнить философію; если кто держится ея принциповъ, тотъ можетъ провести всѣ возрасты жизни, не находя въ нихъ неудобствъ. Остальныхъ вопросовъ мы и прежде часто касались и часто будемъ касаться; эту книгу я посвящаю тебѣ „О старости“. Всю рѣчь я влагаю въ уста не Титону, какъ Аристоу Хіосскій, — въ сказкѣ было бы мало авторитетности, — но М. Катону, старцу, для того чтобы рѣчь имѣла больше убѣдительности. Я представляю, что Лелій и Сципіонъ, въ бесѣдѣ съ нимъ, удивлялись на него, что онъ такъ легко переноситъ старость, а онъ имъ отвѣчаетъ. Если онъ покажется тебѣ въ своихъ разсужденіяхъ ученье, чѣмъ является обыкновенно въ своихъ сочиненіяхъ, то отнеси это къ числу греческой литературы, которой онъ, какъ извѣстно, сильно занимается въ старости. Что же еще? Рѣчь самого Катона излагаетъ нашъ взглядъ на старость.

II.

Сципіонъ. Часто, М. Катонъ, я дивлюсь потѣ съ Леліемъ твоей выдающейся и совершенной мудрости какъ въ прочихъ отношеніяхъ, такъ особенно въ томъ, что я никогда не замѣчалъ, чтобы тяготила тебя старость, между тѣмъ какъ большинству стариковъ она такъ противна, что они говорятъ, что несутъ бремя тяжеле Этна.

Катонъ. Мнѣ кажется, Лелій и Сципіонъ, что вы удивляетесь лжецію, на самомъ дѣлѣ не мудренному. У кого нѣтъ опоры въ самомъ себѣ для нравственно хорошей и потому счастливой жизни, для тѣхъ всякій возрастъ тяжелъ. А тѣ, которые ищутъ всѣ блага въ самихъ себѣ, для тѣхъ не можетъ казаться зломъ то, что приноситъ съ собой заветъ необходимости природы. Здѣсь прежде всего надо назвать

старость, которой все хотят достичь, а достигши винять ее: таковы непостоянство и непоследовательность отсуствия понимания дѣла. Они говорятъ, что она подкралась скорѣе, чѣмъ они думали. Во-первыхъ, кто заставляетъ ихъ думать-ложь? Какимъ образомъ старость подкрадывается къ возмужалости скорѣе, чѣмъ возмужалость къ младенчеству? Во-вторыхъ, какимъ образомъ ихъ менѣе тяготила бы старость въ восьмилетний годъ, чѣмъ въ восьмидесятии? Прожитый возрастъ, хотя и долгій, разъ миновалъ, не можетъ никакого рода утѣшеніемъ сдѣлать пріятной неправильно проведенную старость? Поэтому если вы удивляетесь моей мудрости — о если бы она вполне соответствовала вашему мнѣнію и моему прозванію! — моя мудрость заключается въ томъ, что я слѣдую велѣнію (ходу) природы, научившаго пожда, какъ божеству, и держусь ея принциповъ: нейфронтно, чтобы она, организовавъ строго-логично остальные части нашей жизни, не обратила, подобно небрежному поэту, вниманія на послѣдній актъ. Законъ необходимости требуетъ, чтобы былъ моментъ кончины и чтобы, какъ въ древесныхъ и земныхъ плодахъ, онъ представлялъ послѣ современнои вѣрности, такъ сказать, отжившее и близкое къ паденію, что разсудительный человѣкъ долженъ переносить спокойно. Клянись иначе, по примѣру гигантовъ, воовать съ богами, какъ не сопротивлялся природѣ.

Лелій. Ты сдѣлаешь, Катонъ, для насъ (я говорю и въ Цицерона) весьма пріятно, научивъ насъ варианту, какой системы въ жизни держась, намъ можно легко переносить тяготящій возрастъ, такъ какъ мы надѣемся, хотимъ даже, конечно, быть стариками.

Катонъ. Я сдѣлаю это, Лелій, особенно если, какъ ты говоришь, это будетъ пріятно намъ обоимъ.

Лелій. Конечно, мы хотимъ, Катонъ, если это не затруднитъ тебя, посмотреть, каково то, куда ты пришелъ, какъ будто бы ты совершилъ какой-нибудь долгій путь, который намъ предстоитъ пройти.

III.

Катонъ. Сдѣлаю, какъ смогу, Лелій. Часто мнѣ приходится быть при жалобахъ моихъ ровесниковъ — по старинной пословицѣ равные съ равными сходятся очень легко, — я слышалъ обычныя жалобы Г. Салинатора, Сп. Альбинна, бывшихъ консулами, почти моихъ ровесниковъ: то, что они лишены удовольствій, безъ которыхъ они не могутъ представить собѣ жизни, — то, что они пренебрегаются тѣми, къ которымъ обыкновенно уважались. Мнѣ же казалось, что они указывали не тѣ причины, какія слѣдовало. Если бы въ этомъ виновата была старость, то же случилось бы и со мной и со всеми остальными пожилыми; а я знаю многихъ безропотныхъ стариковъ, которые не торопятся тѣмъ, что они освобождены отъ узъ чувственныхъ страстей и не признаются своими. Вина всѣхъ жалобъ такого рода заключается въ правахъ, а не въ возрастѣ. Умѣренные, уживчивые и неугрюмые старики проводятъ сносную старость; нетерпимость и угрюмость тяжелы во всякомъ возрастѣ.

Лелій. Такъ и есть, какъ говоришь ты, Катонъ. Но можетъ быть кто-нибудь скажетъ, что тебѣ кажется старость сравнительно сносной, благодаря твоему положенію, богатству, уваженію, но это не можетъ быть удѣломъ многихъ.

Катонъ. Это имѣетъ, Лелій, извѣстное значеніе, но сущность отнюдь не въ этомъ; напр. есть разсказъ, что когда какой-то серифицъ въ жаркомъ спорѣ говорилъ Эмистоклу, что на немъ лежитъ бремя славы не его собственной, но славы отечества, этотъ послѣдній отвѣтилъ: Клянусь Геркулесомъ! ни я, если бы былъ серифицемъ, ни ты, если бы былъ афиняниномъ, могъ бы никогда не быть знаменитымъ. Это такимъ же образомъ можно сказать и о старости. При крайне стѣснительномъ положеніи старость не можетъ быть легка даже для человѣка, живущаго разсудкомъ; а для человѣка бѣднаго разсудочностью, даже и при обильномъ запасѣ всего,

она не может быть не тяжелой. Вообще, самые удобные орудія противъ старости—наука и жизнь по принципамъ чело-вѣчности, что культивируемое во всякомъ возрастѣ, какъ бы долго и много кто ни жилъ, приносить достойные удивленія плоды не только потому, что они никогда не оставляютъ чело-вѣка, даже въ послѣднее время жизни, — хотя это уже весьма важно и потому, что сознание хорошо проведенной жизни, а вмѣстѣ и воспоминаніе многихъ хорошихъ поступ-ковъ весьма пріятно.

IV.

Будучи юношей, я такъ любилъ и уважалъ Кв. Максима, старца, того, который взялъ Тарентъ, какъ спертника. Въ этомъ чело-вѣкѣ серьезность была соединена съ обходитель-ностью, и старость не пзмѣнила его характера. Я познако-мился съ нимъ, когда онъ былъ, правда, очень не старъ, но все-таки уже въ годахъ преклонныхъ. Онъ былъ въ первый разъ консуломъ спустя годъ послѣ моего рожденія; въ чет-вертое его консульство, я, юношей, отправился къ нимъ въ качествѣ простого солдата къ Кануфъ, а пять лѣтъ спустя къ Таренту. Спустя четыре года, я сдѣланъ былъ квесторомъ, каковую должность исправлялъ въ консульство Тудитана и Цетега, а онъ тогда уже въ преклонной старости выступилъ защитникомъ *I. Cincia de donis et muneribus*. Будучи уже совсѣмъ старикомъ, онъ велъ войны, какъ молодой, и Ганни-бала бурного, какъ свойственно молодому чело-вѣку, онъ сдер-живалъ своимъ спокойствіемъ; о немъ отлично сказалъ мой другъ Эній: одинъ чело-вѣкъ своей осторожностью удержалъ цѣлость государства; славу онъ не ставилъ выше спасенія; слѣд., чѣмъ дальше, тѣмъ больше блещетъ теперь слава его. А съ какой осторожностью и осмотрительностью онъ бралъ Тарентъ! при мнѣ тогда, когда Салинаторъ, потерявъ городъ, убѣжалъ въ крѣпость и хвалился и говорилъ: „ты, Фабій, благодаря мнѣ взялъ Тарентъ“, сказалъ ему смѣясь: „ко-

нечно! если бы ты его не потерялъ, то я никогда бы его не ввѣлъ". Но на войнѣ онъ не былъ болѣе выдающимся, чѣмъ въ мирѣ. Во время своего второго консульства, когда коллега его Сп. Карвильй бездѣйствовалъ, онъ сопротивлялся, насколько могъ, народному трибуну Г. Фламинію, раздѣлявшему Циценскую и Галльскую области противъ воли сената въ личное владѣніе гражданъ; а когда былъ авгуромъ, то смѣло сказалъ: „согласно ауспиціямъ дѣлается то, что дѣлается для спасенія государства, а что дѣлается противъ государства, то дѣлается противъ ауспицій". Много хорошихъ качествъ я зналъ въ этомъ человѣкѣ, но нѣтъ ничего болѣе достойнаго удивленія какъ то, какимъ образомъ перенесъ онъ смерть сына, мужа славнаго, бывшаго консуломъ. Я постоянно имѣю при себѣ его надгробное слово, и когда читаю его, всякаго философа я ставлю ни по что. Онъ былъ великъ не только въ официальной и общественной жизни, онъ былъ выше другихъ въ семейной, домашней жизни. Какая беседа, какія паставаженія! какое знакомство съ древностью! познаніе въ правѣ авгуровъ! Для римлянина онъ былъ богато образованъ; онъ помнилъ не только отечественныя, но и иноземныя войны. Я съ такою жадностью внималъ его беседамъ, какъ будто предчувствовалъ (что и случилось), что послѣ его смерти не у кого будетъ учиться.

V.

Какая цѣль такихъ подробностей о Максимѣ? Та, что вы, конечно, видите, что противъ совѣсти будетъ назвать такую старость тѣлостной. Однако же не всѣ могутъ быть Циціонами или Максимами, чтобы вспоминать о взятіи городовъ, о сухопутныхъ и морскихъ битвахъ, о войнахъ, веденныхъ ими, о триумфахъ. Но также если жизнь проведена спокойно, по принципамъ нравственности и разсудка, то и старость бываетъ невозмутима и тиха; такую старость мы знаемъ у Платона, который умеръ на 81 году за составленіемъ сочиненія, у Исократы, который говорить, что онъ написалъ

